

Природа не простила легкомыслия

Вчера была двадцать первая годовщина тирлянской трагедии. 7 августа 1994 года вода пруда, прорвав плотину, унесла жизни 29 жителей рабочего посёлка. Чтобы напомнить нашим читателям о причинах и уроках трагедии, мы побеседовали с Владимиром Емченко (на снимке). В те годы он был главным инженером Белорецкого металлургического комбината.

– Владимир Степанович, за эти годы вы, наверное, не раз мысленно прокручивали последовательность тех событий?

– Да. Эта авария часто снится мне. Запомнилось обилие зрителей. В тот день к ещё державшейся плотине набежало пол-Тирляна. Люди наблюдали, как ширились места размыва, чему-то смеялись. Многие уже понимали, что из затопляемой Шибаевки пора уводить или вытаскивать людей, но никто из наблюдавших не подошёл, не предложил свою помощь. Ту полную людей машину «Москвич», которая с моста упала в воду, унесло на моих глазах. Часть пассажиров в ней погибла. Ещё картина: водой вымывается опора, крыша сарая переворачивается и вся собравшаяся на ней группа людей исчезает в бурлящих потоках воды. Для меня это непроходящая трагедия. Надо сказать, что и без тирлянских событий мне пришлось повидать немало смертельных случаев в цехах. Я уже давно не работаю на производстве, но что-то мне подсказывает: мы и сейчас продолжаем создавать возможности для новых аварий. Ничему эти впечатления и трагедии нас не учат.

– Прорыв плотины был неизбежен?

– В немалой мере. На период ремонтных работ местным руководителям из Белорецка была дана команда держать уровень пруда не более четырёх метров. Это было связано с необходимостью снизить нагрузку на затворы, а также с ремонтными работами. Ниже плотины работали люди, и периодически требовалось полное прекращение сброса воды. Но тирлянские рыбаки старались не допустить большого слива воды. Им были нужны берега. Дескать, мы тут не первый год живём, ничего страшного не случится и при шести метрах. Запрет поднимать выше четырёх метров известен всем, а держим пять восемьсот... Не будем забывать и о ветхом состоянии плотины. До потопа 1994 года её при мне два раза размывало. В ходе аварии 1985 года в расположенном вблизи реки микрорайоне Шибаевка снесло несколько домов. На автозаправке из-под земли тогда выплыли ёмкости

по 15 кубов. Внизу был старый мост. Он набрал на себя доски, кусты и образовал запруду. Тогда руководству завода пришлось решать вопросы обеспечения людей жильём. Старожилы вспоминали и об аварии на плотине в 1943 году. Для её укрепления в 1946 году репатрианты подвозили доменный шлак. В том же месте и начало размывать плотину в 1994 году. Дело осложняли ещё и три ёмкости для мазута, стоявшие рядом с плотинной. Их надо было оттуда как-то убирать, но не получалось.

После аварии 1985 года, к тому времени я уже два года работал главным инженером комбината, стало понятно, что людей из затопляемой зоны надо переселять. Я запросил в поссовете план застройки Тирляна, но этого так и не добился. Одно было ясно: в зоне затопления находится масса домов. В итоге для решения проблемы мы каждый год записывали в титул в том числе и перенос жилья из зоны затопления. Соответственно, закладывались и деньги на переселение людей и проведение работ по графе «Водоснабжение». Но уже осенью деньги с этих статей срочно снимали и направляли, к примеру, на закупку канатных машин. В те же 80-е годы по нашей заявке специалисты «Гипромеза» выезжали в Тирлян, они подготовили проект технического задания по предупреждению аварии, но дальше работа не пошла из-за отсутствия финансирования. Это к вопросу, почему так много домов было в опасной зоне.

К августу 1994 года перед основным затвором уже был установлен и отсечный, который, как оказалось, был изготовлен неправильно. От высокого давления воды он деформировался и при переполнении пруда уже не работал. Тросы на обоих затворах к тому времени проржавели и поизносились настолько, что их давно надо было менять. К тому же их диаметр не соответствовал нагрузке. Так что при попытке открыть основной затвор трос оборвался, а сам затвор при падении деформировался. Устройства эти тогда состояли не под государственным, а под ведомственным надзором. Еще до аварии я давал поручение главному механику сменить тросы и перестроить управление не от рычажного контроллера, а от кнопки, но это тоже не успели выполнить. Вот из таких деталей и складывалась будущая авария. Куда деваться воде, переполнившей пруд? Вполне объяснимо, что неуправляемые потоки размывали два прорана, а затем и вовсе снесли всю плотину.

В мои обязанности входило и решение вопросов развития производства. К примеру, чтобы подготовить технический совет детальной реконструкции 17-го цеха, требовалось затратить массу времени. Я не мог переложить на других людей и многие дела, не связанные со своими прямыми обязанностями. За 12 лет работы главным инженером меня почти всегда через неделю-вторую отзывали из отпуска на работу.

– За исправность плотины и механизмов регулирования стока воды, очевидно, кто-то отвечал?

– Да. Согласно приказу заместителя министра чёрной металлургии ответственными были назначены главный энергетик комбината и энергетик тирлянского листопрокатного производства. Не будем называть фамилий.

Хотя построена плотина была в дореволюционные времена, её чертежи составлялись уже в советские годы. Но даже их в ходе следствия не удалось найти, как и целую серию приказов, распоряжений, журнал учёта уровня воды в пруду... Отсутствие некоторых протоколов техсоветов можно объяснить тем, что для быстрого решения технических проблем механики, да и другие начальники, брали ответственность на себя, не задумываясь о надёжности, безопасности, непредвиденных нагрузках, что нередко приводило к неприятностям. Уже после аварии главный механик комбината Владимир

Васильевич Оглобличев отладил всю систему внутризаводского надзора за опасными объектами, а до аварии все эти проблемы решались у главного энергетика.

Как главный инженер, я отвечал за подготовку проектов, документации, должен был разработать, внедрить и утвердить систему безопасной работы на этих объектах. Уже после аварии кто-то из руководителей спросил меня: «Зачем ты туда поехал? За плотину отвечает главный энергетик. Пусть бы ехал в Тирлян и вёл всю организацию аварийных работ. Это же они довели до такого состояния канаты и механизмы затвора, что дежурные операторы не смогли слить воду из пруда!» Такие рекомендации я принять не мог.

– Выезжая в Тирлян накануне аварии, вы уже знали, что затворы не удалось открыть?

– Да. В Тирлян в ночь на седьмое августа мы смогли проехать только на тяжелом вездеходе «Урал». Походили в темноте, посветили фонарём. Специалисты уверяли: уровень воды стабилизировался, всё пройдет. Благодушно уговаривали: «Давайте пойдём спать». А утром опять звонок – вода прибывает. Уже потом выяснилось, что выше по реке Тирлян был прудик, который к тому времени размыло, и оттуда пришла большая прибавка к тирлянскому пруду. Хотя вечером 6 августа дожди прекратились, вода всё прибывала. На левой стороне плотину уже частично размыло, в проран шёл нарастающий поток. С утра я послал людей, чтобы вывести жителей Шибаявки. Мне докладывали, что председатель поссовета и милиционер обошли все дома и всех выгнали. Часов в десять утра смотрю – едут на машине к плотине пожарные. Спрашиваю: «Зачем едете?» – «Посмотреть!» – «Возвращайтесь в Шибаявку, уводите людей из зоны затопления!» Разобравшись в обстановке, я понял, что слить воду из пруда, не разрушая плотину, можно лишь взорвав неисправный затвор. Я позвонил директору комбината Вадиму Анатольевичу Кулеше: «Давай взрывников. Будем взрывать затвор». Не сразу, но все же директор согласился со мной.

Был выходной. Комбинатовских взрывников найти не удалось. Взялся вызывать тулунских, но в какой-то момент понял, что работать на затворах уже смертельно опасно, да и поздно. Можно было попытаться пригнать из Белорецка два крана, и силой выдернуть эту задвижку, но дорога из города с ночи была промыта ручьем – краны бы не проехали.

Трудно было предсказать, как поведёт себя плотина. Можно было забутить проран с левой стороны плотины, из которого лилась вода, любым видом грунта. Если бы вовремя привезли кубов двадцать грунта в место размыва шлака, мы удержали бы воду. К слову, пригнали две машины для перевозки грунта, а мужики пошли обедать... Начали копать экскаватором канал для сброса воды в районе ёмкостей с мазутом. В двух из них было около семисот тонн мазута...

– Я помню, что по телевизору в одном из сюжетов первого канала в этой аварии обвинили директора комбината.

– Да, первым эту фразу произнес президент Башкортостана. А через день я давал объяснение в главке «Промметиза» министерства чёрной металлургии. Там меня спросили, кто будет отвечать за аварию и кого министр должен снять с работы. И я ответил: «Сейчас работает комиссия. Она даст заключение и определит ответственных». Убежден, что любой директор несёт собственный груз ответственности за работу персонала. Но он не может в полной мере управлять коллективом, если его окружают недостаточно грамотные или совершенно не подготовленные специалисты. С другой стороны, он должен лично управлять бюджетными потоками, чтобы поддержать

работоспособность всех подразделений, независимо от их весомости. Только учитывая все эти факторы, он должен принимать решения по технологическим и финансовым направлениям деятельности предприятия.

Наверное, вы заметили, что каждое лето участок перед плотиной в Белоречке отсыпали крупным бутом, чтобы её не размывало? При прорыве плотины в 1985 году в Тирляне по рекомендации того же «Гипромеза» потребовалось забить два десятка деревянных свай. Затем надо было завезти крупный бут, высыпать его между сваями и плотиной, и таким образом усилить её. Но когда после аварии 1994 года подняли регистрационные журналы, выяснилось, что забутовку занесли в список выполненных работ, но не произвели её. Так выглядит, так сказать, вклад человека в будущую аварию. Природа, как и положено, не простила людям легкомысленного отношения к пруду, как к опасному объекту.

– В наше время, когда практически все ходят с сотовыми телефонами, трудно представить, что у вас не было информации, сколько людей осталось в опасной зоне.

– Да, тогда такой связи не было. Знаю одно: если бы мы не предупреждали о возможном прорыве плотины, жертв могло быть больше.

После аварии я месяц жил в Тирляне. Надо было восстанавливать работу цехов, оборотный цикл водоснабжения на канатном производстве, куда-то расселять людей, лишившихся жилья. Что мог председатель поссовета? Весь транспорт, все рабочие были только на главном производстве посёлка – цехе оцинкованной посуды, канатном цехе. И пруд, и плотина были на нашем балансе. На это время обязанности главного инженера комбината были возложены на Евгения Владимировича Савельева. А после того как в марте 1995 года меня избрали в Госсобрание РБ, главным инженером был назначен В.В. Оглобличев. Под суд пошли главный энергетик БМК, энергетик тирлянского отделения. Дежурные на гидроузле к ответственности не привлекались, так как в период аварии не имели допуска к работе в соответствии с Трудовым кодексом.

Обдумывая эти события, каждый раз убеждаюсь, что очень многое зависит от уровня подготовки и мышления руководителей. Сегодня в Тирляне про пруд можно спокойно забыть – там построена переливная плотина. А белорусский пруд рано или поздно потребует модернизации, надо проводить оценку состояния плотины. Есть места, где возможен прорыв...

Источник:

Швец, Л. Природа не простила легкомыслия [Текст] : [7 августа 1994 г. вода пруда, прорвав плотину, унесла жизни 29 жителей рабочего поселка Тирлян. Беседа с В. Емченко. В те годы он был главным инженером Белоречского металлургического комбината] / Л. Швец // Белоречский рабочий. – 2015. – 8 августа. – С. 2.